

До

Пляска неспящего
Волка

16+

До

Пляска несвятого Витта

«ЛитРес: Самиздат»

2020

До

Пляска несвятого Витта / До — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Пожилого пианиста одолевает болезнь, доставшаяся ему в наследство от отца. Он больше не может выступать, потому что не контролирует свои движения. Старик закрывается в квартире, чтобы с помощью жуткого ритуала вернуть себе нормальную жизнь.

До Пляска несвятого Витта

Посреди ночи Филипп проснулся от негромкого стука и сразу понял: то, к чему он так долго готовился, и чего так сильно боялся, вот-вот случится. В освещенной полнолунием комнате, наполовину покрашенной вытянутыми тенями, было невероятно тихо. Стук сотрясал эту тишину.

Старик несколько раз зажмурил глаза, прогоняя жалкие остатки некрепкого в последнее время сна, повернулся на бок и стал вглядываться в свое отражение. Там такой же старик, лежащий на боку, испуганно смотрел на него. Снова раздался стук. Филипп опустил глаза и увидел, как его рука с той стороны зеркала мерно стучит по стеклу.

«Забирай все, что не мне носить!», – зашептал укутанный по подбородок старик. Постепенно слова набирали громкость и дошли до хриплого крика, уже наполовину лишенные смысла. Филипп продолжал выкрикивать их, наблюдая, как кулак в отражении продолжает стучать по стеклу, в то время как его собственные руки дрожат, вцепившись в одеяло.

Будто почувствовав это, человек в отражении замер, лег так же как Филипп и уставился на него. Через пару секунд они одновременно заморгали и плотнее закутались в одеяло. Оставалось дожидаться рассвета.

Когда тени в комнате начали выцветать, Филипп положил кулак под свое уставшее испуганное сердце, задержал взгляд на вздувшейся на лбу вене и, сам того не ожидая, заснул.

Утро втиснулось в черную лакированную раму зеркала, в глубине которого теперь была залитая мартовским солнцем комната. Филипп открыл глаза, лежа на спине, избавив себя от ужаса утреннего неузнавания. Случалось, он просыпался по утрам, лежа на левом боку, и всякий раз мутный через развеивающийся сон незнакомец казался забравшимся в дом безумцем. Через минуту в гулкий стук встревоженного сердца вкрадчиво проникало тиканье напольных часов, напоминая старику, что единственный безумец в доме – он сам.

Мужчина поднялся с постели и направился в ванную. Рука, прежде чем опуститься на круглую дверную ручку, несколько раз выгнулась вокруг запястья, будто помахав кому-то и, наконец, смогла открыть дверь. Филипп почистил зубы, стараясь не заглядывать в зеркало. От недосыпа шумело в голове и неприятно ныло тяжелое тело. Сплевывая пасту, он чуть не ударился головой о навесную стеклянную полку.

«Посмотрим кто кого», – старик торопливо сбросил халат, встал под душ и включил горячую воду. Упругие хлесткие капли будто наказывали подвластное болезни тело и помогали прогонять дурные мысли. Филипп промыл от шампуня длинные седые волосы и протер запотевшее овальное зеркало. Теперь он мог взглянуть на себя распаренного и красного с лопнувшим сосудом в левом глазу и допустить в голову мысли о ночном происшествии. Если его отец видел то же самое, мучительно двигаясь к выздоровлению, и смог дожить до восьмидесяти в здравом уме, то эти ночи напротив зеркала отведут болезнь и от него. Глядя на отражение, мутнеющее в прилипающем к стеклу паре, Филипп сощурил черные отцовские глаза и проводил мысли о своем старике смесью еще тлеющей любви и разгорающейся ненависти за оставленное им наследство.

Все началось, когда Филя был еще ребенком. Впервые он увидел пляску отца во время семейного обеда. Испуганный, он наблюдал, как разлитый по клеенчатой скатерти горячий чай спешит под изящные, сведенные непонятной судорогой кисти папы. Когда отец внезапно подскочил на месте и, будто разрываемый в разные стороны веревками, раскинул в стороны напряженные руки, мальчик закричал. Его поспешно увели из комнаты и каждый следующий приступ ограничивался скупым объяснением мамы, что папе снова стало нехорошо.

Старик вышел из ванной, зябко кутаясь в длинный махровый халат, и направился на кухню, затравленно глянув в темный зев приоткрытой гостиной.

В этой комнате, закрытой от центральной шумной улицы тяжелыми синими шторами, каждый день расцветала еще одна грань отцовского наследства. Вся вдохновляющая необходимость каждодневных репетиций, возложение цветов на крышку после триумфальных концертов и самое страшное открытие второй половины жизни Филиппа были связаны со старым немецким роялем, стоявшим посреди гостиной. В день, когда болезнь перестала таиться, левая рука пианиста замерла на грозном шаге второго Рахманинского концерта и так и осталась в темном басу, пока он не погас. В тот вечер опустили занавес. В тот вечер Филиппу показалось, что его спрятали в ящик и закрыли крышку.

Подвижную эластичную кисть будто заменили окостеневшей рукой мертвеца и спустя секунды оцепенения все сменилось истеричными плясками ожившей конечности, которая извлекала из инструмента все новые потоки дисгармонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.